

ГЕРОЙ НАШЕГО ПЛЕМЕНИ

Евгений Миронов. Родился в Саратове в 1967 году. Сыграл больше тридцати ролей в кино и театре («Обыкновенная история», «Орестей», «Любовь», «Лимита», «Анкор, еще Анкор!»). Фестивальных призов немало.

«Дальше — только космос», — сказал Петер Штайн, увидев, как Женя Миронов стал играть Ореста после европейского турне «Орестей». На этом сходятся сейчас многие. Женю Миронова любят не только за его настоящее (надо сказать, для его возраста исключительное), но за будущее, которое в нем просматривается. Представить это будущее во всем его блеске невозможно, поскольку каждая новая работа Миронова вызывает непохожую на предыдущую. Столь блестящей, стремительной и стопроцентно заслуженной актерской карьеры ни наше кино, ни театр не знали давно. Едва ли существует другой кандидат в этом (нашем!) поколении на роль актера номер один. «Любовь» с ее тотальным успехом еще можно было объяснить тем, что счастливо сошлись режиссер, амплуа, время, звезды и прочая. После «Лимиты» и «Мусульманина», «Анкора» и потрясающих работ в Театре-студии Табакова сомнения отпали. На Миронова ходят. На него смотрят затаив дыхание. Это актер с редкостным магнетизмом, могучей энергетикой и перевоплощением столь полным (даже по ходу интервью из него вылезает то одна, то другая маска), что все разговоры об отсутствии у нас будущего выглядят детским лепетом. Будущее сидит напротив меня. Коллеги, берите интервью у Миронова, пока дает. Скоро будете ловить его в воздухе между Венецией и Каннами, перехватывая между съемками и спектаклями, вырывать за руку из кольца поклонниц.

— Ты позавчера из Парижа?
— Да, играл «Орестей». Принимали потрясающе. Я сначала думал, они там на всех спектаклях такие сумасшедшие. Потом сходил сам на постановку одного знаменитого американца — нет: не всегда. Во-первых, они идут на Штайна, во-вто-

рых, на русских, в-третьих, все-таки Эсхила.

— А чем объяснить здешний полупровал?
— Могу ответить. Совершенно определенно. Мы не успели. Русские так не репетируют — три месяца на восьмичасовой спектакль, а по сути — на три спектакля отдельных. Штайн приехал, в сущности, возобновлять свой старый спектакль, который ставил в собственном немецком театре, впоследствии распущенном. А мы здесь ни разу не соприкасались с Эсхилом. Мы нормально заиграли только сейчас, после года показов в Москве, Эдинбурге, Роттердаме... Это не просто классом выше — это другой спектакль. В Москве нас несли со страшной силой, это такая головная боль была... Меня до этого только хвалили, а тут решили опустить. «Не заносись, парень, мы сейчас тебе сделаем...» Я переживал страшно. Меня не ругали — меня уничтожали. Я фамилию критика одного запомнил на всю жизнь.

— Сказать, конечно, не можешь.
— Почему не могу? Могу. Гульченко. Врезалось навсегда. Мы отыграли «Орестей» 99 раз. Сейчас Штайн посмотрел несколько прогонов — и, по-моему, он доволен.

— Сейчас становятся звездами лучшие люди из табакоской студии: ты, Машков, Егоров, Беляев... Правда ли, что Табаков вас «делал», что он абсолютный диктатор в театре и вы все им вышколены?
— Во-первых, я не вижу в наше время другого реального подхода к театру. Иначе развалится все. Во-вторых, Табаков все-таки умудряется спасать студию — нет дотаций, но он договорился с «Инкомбанком», находит спонсоров, и хотя люди перемещаются в кино — там платят куда больше, — но театр живет. Конечно, на театральные заработки я не прожил бы, но театр бросить тоже не смогу. Не сказать, чтобы Табаков был в восторге от моего

Именно русские должны играть евреев и наоборот. Иначе неинтересно.

10 □ Собеседник 45'94

почти годового отсутствия, но про меня говорят, что я хитрый (поправляет шарф, становится хитер). Я пока выкручиваюсь. И то сказать: пока играл в Москве у Штайна, ни одного своего спектакля здесь не пропустил.

— Ты сейчас сыграл маленькую роль у Никиты Михалкова в «Утомленных солнцем». Как с ним работаете?
— Это довольно смешно получилось. Мне Михалков так по-соловьиному рассказывал про эту роль! — ну, его надо слушать, конечно. Что только актер моего класса может так перелетать из смеха в слезы и обратно. Что ключевой эпизод. Что никто другой... А я сроду маленьких ролей не играл. Везло на главные. Ладно, согласился. Что, думаю, за роль такая? — читаю сценарий: пять слов. Он и тут уговорил. Я сейчас в Париже посмотрел картину — ничего, смешно. Только почему-то в рекламе все время крутят вот этот наш с ним эпизод. Мне звонят, спрашивают: у тебя что, главная роль там? Я позволял себе загадочно отмалчиваться, пока картина не вышла в России. А работать с Михалковым — очень здорово, только мы с ним оба голос потеряли после этой сцены. На нервной почве и на почве крика. У Михалкова как у режиссера одна беда — он не умеет остановиться. Переизбыток таланта. Из фильма при сокращении замечательные куски ушли — он же все время придумывает что-то, импульсы мгновенные, никто за ним в группе не поспевает.

— А «Мусульманин» Хотиненко — что за история? Картина обростаёт слухами еще до выхода.
— Да, «Мусульманин» пока не закончен, мы в конце ноября только озвучивание планируем. Слава Богу, мне везет на режиссеров, ничего сказать не могу. Вообще на людей везет. Иначе я остался бы только с «Любовью»: даже в «Ангоре» у меня роль легкая, мотыльковая, я за то и люблю ее, Хлестакова сыграть мечтаю такого же. Но в «Мусульманина», надо сказать, я много себя вложил. Много. Ничего рассказывать не буду — это сценарий Залотухи про парня, который вернулся из Афганистана, из плена, там мусульманство принял. Володя Хотиненко классных людей умеет собирать — Нина Усатова, Евдокия Германова, Саша Балувев, Леша Родионов — оператор...

— Про тебя говорят, что в жизни ты очень надрывен, импульсивен и легко впадаешь в крайности. Так?
— Это тебе кто-то один сказал. Я не знаю, какой я, и надеюсь только, что разный. Но какие-то вещи меня выводят, разумеется. Недавно узнал, что какие-то подонки дали объявление: лечим рак. Собрали с больших деньги и исчезли. Таких — убивал бы.

— А ты морду способен набить?
— Я в Париже над этим задумался. Хотел там набить одному — хорошо, удержали. Думаю, что теперь смогу.

— А за что — в Париже?
— Было за что...

— Ты до сих пор в общезжитии?
— Да, со всей семьей. Сестра у меня здесь, Оксана, она солистка балета, отец и мать в нашем театре работают. С одной стороны, без дома очень трудно, сейчас, правда, есть некоторое шевеление в этом вопросе, а с другой — в общаге какая-то своя прелесть, там многие наши артисты живут.

— Ты сам из Саратова?
— Да, я окончил Саратовское театральное училище, у Валентины Александровны Ермаковой — это саратовская театральная легенда. Потом приехал к Табакову, он меня взял на второй курс.

— Почему ты переехал в Москву со всей семьей?
— А время сейчас такое — трудно врозь. И мало его, времени. И идет оно быстро. Все время друг к другу ездить было бы тяжело. А нам друг без друга невозможно.

— «Любовь» — твоя первая большая кинороль?
— Нет, уже были две работы — в «Жене керосинщика» у Кайдановского и в картине Ярополка Лапшина «Перед рассветом», ее не видел почти никто. В театре я уже играл «Билокси блюз» и «Пришучил» — у Табакова и соответственно Леонтьева. Главные роли. Они меня хорошо нагрузили сразу: мол, выдержишь, сынок? Это очень помогло.

— Есть разница в работе младшего и старшего Тодоровских?
— Только в годах.

— Говорят, Валера на площадке требователен страшно, а в жизни такой толерантный?
— Да. Я бы даже сказал, талейрантный. И это очень хорошо. Я Валеру люблю и работать у него люблю — хорошо бы он меня еще снял. Довести, конечно, кого угодно можно... но в принципе мы с ним ладили.

— Правда, что знаменитая эта сцена в электричке, где ты на Наташу Петрову орешь, снималась на чистом импровизе?
— Она жутко снималась. У меня температура была — тридцать девять. Меня гримируют, а я в полубреду текст сочиняю. Отыграл, с одного дубля сняли, — я сразу заснул, как в обморок упал. Очнулся дома.

— И ты мог бы так — с девушкой?

— Нет, Наташа Петрова — первая, с кем я так себя вел. У меня вообще довольно похожая история в жизни была: тоже девушку-еврейку любил, тоже Машу, и тоже она в Израиле сейчас. Вообще было некоторое типажное сходство: и я провинциал, и герой с определенными социальными корнями, простой человек... Был потом страшный риск самоповтора: во-первых, обвалились призы. В том числе и денежные, потому что заграничные. С одной стороны, приятно, с другой — расслабление. Меня, слава Богу, работа держит в форме: я позавчера прилетел, а вчера играл в «Обыкновенной истории», на открытии сезона. А во-вторых, я повторяюсь в принципе не намерен, поэтому в «Лимите» старался быть неузнаваем. Попробовал еврея сыграть. Именно русские должны играть евреев и наоборот. Иначе неинтересно.

— Тебе приходится как-то актерствовать в жизни, пользоваться навыком?
— Раньше были позывы косить под кого-то. Сейчас я слишком много играю в театре и кино, чтобы еще что-то наигрывать в жизни. Мне уже никому не надо доказывать, что я — Женя Миронов и что-то могу. Теперь доказываю только себе.

— Кто из актеров твоего поколения тебе близок?
— Не скажу «близок», но некоторая планка, уровень — это Олег Меньшиков. Помоему, это мое поколение: мне двадцать семь, ему тридцать два. Мы общаемся и, надеюсь, со взаимным интересом. Назвать можно многих: у нас отличное поколение. Поросль не слабее, чем у шестидесятников. Если не придушат, не придавят — получится замечательная генерация. Понимаешь, сейчас великие ушли. И сразу — мы, потому что среднего поколения нет.

— Ты постоянно играешь быстро пьянеющих людей. Как у тебя с этим?
— Могу честно сказать, что пьянею быстро. С первой рюмки мне хорошо. Со второй — очень хорошо. Дальше — плохо. Надо остановиться. Иначе — ураган.

— А бывало?
— Ураган? Систематически.

— А наркотики ты пробовал?
— Пробовал. Один раз курил гашиш. Очень понравился.

— Серьезно?
— Нет, не в смысле — подсел, пристрастился, а просто интересно. Новые ощущения. Я фанат любой новизны. Теперь знаю, как играть наркомана. Это на Западе сейчас модно, гашиш: запаха нет, идешь нормально, если не совсем обкуранный... А ощущения очень интересные. Вот ты выкуришь сигарету с этой гадошью (поправляет шарф, делается брезглив), а потом начинаешь прикалываться. Прикалываешься над вещами, которых раньше в жизни бы не заметил. Вот лежит пачка сигарет, вот она такая четырехугольная, ты видишь ее всю сразу, и тех, кто ее делал, и кому она принадлежит... Через мозг пролетают в секунду миллионы новых информаций. Вот я в Роттердаме пробовал это, там озеро очень красивое. Я пошел по его берегу, забив косяк, и увидел другой косяк — рыб. Раньше бы я просто подумал: как красиво! А тут я вижу: вот впереди вожак, а зади плывут отбросы общества... Очень занятное возбуждение. И все-таки есть в нем что-то фальшивое. Я бы и без кайфа этого мог дойти до всех подобных мыслей. Путем нормального размышления. Так что какой-то момент... шарлатанства, что ли.

— Ты знаешь жизнь?
— Судя по тому, что разнообразные обманы и подлости до сих пор оказываются для меня неожиданностью и я еще не все глубины свинства постиг, — нет, я жизни не знаю. Считается ведь, что знание о жизни — это знание о худшем в ней, так? В этом смысле — нет.

— А себя ты знаешь?
— Тоже нет.

— Как ты относишься к новым русским?
— Что ты имеешь в виду? Если людей в длинных пальто, в «Мерседесах», с шикарными телками, людей, кидających ломовые бабки на ночных дискотеках, — ну, и я там был, это скучно, и это не есть новые русские.

— А кто тогда?
— Я, по-моему. Я новый. Я русский.

— Тебя называют даже «очень русским». Что такое русский вообще?
— Не знаю, только чувствую. Нечто, о чем можно с равной убедительностью сказать «русская свинья» и «русская душа». Между свиньей и душой, как между собакой и волком. С возгласом «Едрить твою мать!» можно равно убедительно проделать абсолютное свинство и высокий подвиг духа (поправляет шарф, становится русским).

— Есть что-нибудь, чего ты не можешь сыграть?
(Понижает голос, оглядывается.)
— Я понимаю, что это чудовищно звучит, но...
— Что?
— НЕТ.

Дмитрий БЫКОВ. На снимке: с учителем шутки плохи! Олег Табаков и Женя Миронов. Фотограф Валерий ПЛОТНИКОВ.

Миронов Евгений

